

ПРОГУЛКИ ПО ОДЕССЕ

В сквере Мечникова вдруг засохло абрикосовое дерево... Странно – два других абрикоса, растущие рядом, плодоносят. Под сенью этого, погибшего, «жил» лев. Напротив, через аллею, «жил» другой лев. Над ним тоже абрикосовое дерево, самое большое из четырёх. Пока живое...

«Уходящая натура» – тема, уже набившая оскомину. Всё когда-то рождается и когда-то умирает. Краеведы наверняка знают, кто автор этой скульптурной композиции из двух львов. Если задаться целью, то можно узнать, кто посадил и абрикосы. Мне сейчас не это интересно, я поставил перед собой другую задачу.

Есть, слава Богу, картина, на которой изображены оба, не разбитых ещё льва и цветущие в вечернем закате абрикосы! Картина была подарена мне на сорокалетие. И хотя говорят, что сорок лет не празднуют, я тот юбилей отметил с размахом! Заранее прошёл по любимым уголкам Одессы, сфотографировал их и заказал себе, любимому, подарки. Кому-то из художников достался Матросский спуск, кому-то – кусочек Отрады, а Володе Сапронову – сквер... бывшая Сенная площадь.

Володя работал в разных техниках, но тяготел к акварели, палитра у него мягкая, светящаяся! Другими словами – акварельная. Увидев готовую работу, я ахнул: абрикосы не цвели, когда я их фотографировал, но на то он и мастер – видеть то, чего не видят другие!

На улице Греческой одно время была небольшая, но уютная галерея «Фраполли». Там Сапронов засветился во всей красе. Галеристы и почитатели приходили любоваться его работами. Конечно, Владимир и раньше участвовал в различных проектах, но так мощно художник Сапронов представил перед зрителем, пожалуй, в первый и последний раз.

Картина, о которой я веду речь, теперь в коллекции Сергея Костина – Сергей собирает ярких представителей одесской школы, Сапронов как раз относится к таковым.

Виктор Георгиевич Ефименко, преподаватель художественно-графического факультета Педагогического института им. Ушинского, помог полтавчанину увидеть колористику южного неба, тёплого моря и жёлтого камня, из которого построен наш город, ставший впоследствии родным и для Володи. В свою очередь, Сапронов передавал это молодым художникам «худграф», а потом и «грековки», где ему доводилось преподавать. Он имел своё видение методики обучения и поэтому часто был в опале у руководства.

Мы с ним ездили на пленэры. Там люди раскрываются, становятся ближе, тогда и Вова открылся по-новому. Мне нравился его юмор – он был не показушным, без лишних «одессизмов», с долей сарказма.

На пленэрах Сапронов особо не заморачивался: наберёт с собой штук двадцать-тридцать картонок небольшого размера, «наклепает» этюдов, и был таков. Зато дома, в мастерской, на полгода-год есть задел. Работал по воспоминаниям! Главное, чтобы этюд был правильно скомпонован. Он и учеников своих так учил. Зарабатывал Володя продажей брендовых видов города. Но находил такие ракурсы, что другие художники «списывали» у него. Были свои поклонники и почитатели. Лена Пешикова, его жена и ученица, говорит, что на 80 процентов того, что умеет, обязана ему.

У ярких личностей так часто бывает: между учителем и учеником вдруг вспыхивает любовь. Как гром среди ясного неба! Как спичечный коробок от сфокусированного луча солнца! Я хорошо помню, как Вова гордо представлял Лену:

– Знакомьтесь: моя жена!

...Как жаль, что счастье так быстро течёт... Как жаль, что художник Сапронов так мало оставил после себя...

В сквере Мечникова

Но вернёмся к нашему скверу... Его писали многие. Я точно знаю, что была работа у Гены Горбунова, мастерская которого рядом, на Нежинской; по-моему, есть этот сквер и «в обойме» у Славика Скоробогатова, живущего по соседству. Здесь часто можно увидеть студентов с этюдниками: немудрено – худграф в двух кварталах.

Этот кусочек «старой Одессы» наполнен людьми и животными. Тут всегда было шумно и хлопотно. В позапрошлом веке, когда здесь располагался Сенный базар, были слышны: ржание лошадей, мычание быков и истошные крики упрямых ослов. Могут пофантазировать и представить себе, как мой прадед закупал здесь на зиму корма для своих двух кормилиц-лошадок. Тут по Внешнему бульвару вальяжно разгуливали «купчихи с попадьями», а под бульваром, в катакомбах, перемещалась контрабанда. Трудовой люд стекался по трём спускам, как по трём лучам, выходящим из одной точки, называемой Сенной площадью, на ночлег в свои слободки: Матросскую и Слободку-Романовку. С тех времён осталась сложная из камня и чудом не разобранная до сих пор ливнёвка в сторону Ольгиевского спуска. Такие места нужно беречь и показывать туристам.

В веке следующем, когда автотранспорт начал вытеснять гужево-сенные площади, а их было несколько в городе, стали засаживать деревьями, что очень правильно в нашем жарком климате.

В сквере Мечникова есть даже редкие для нас породы деревьев, как гинкго, а также каштаны и акации, клёны и уже вышеописанные абрикосы. Пережил наш сквер и румын, и красные флаги на 1-е мая. Здесь всегда обитали стайки студентов и школьников из соседнего автотехникума и двух школ.

А по вечерам тут на протяжении всей истории Одессы «правили бал» совершенно другие люди. Я не смею утверждать, что «гоп-стоп» родился в Одессе, но в нашем городе он выкристаллизовывался, приобретая такую, знаете ли, форму, что вам после налёта хочется аплодировать и пожимать руки всем действующим лицам.

Не верите? Спросите у известного художника Николая Овсейко. Ему довелось во времена студенчества жить в Ломаном переулке (это ещё один кусочек «уходящей натур»). Так вот, после одной такой «пьясь» Коля старался попадать в свою комнату засветло, чтобы не было причин снова аплодировать бандитам.

Сейчас, проходя мимо сквера, я часто присаживаюсь на скамейку, чтобы перевести дух. В тёплый летний вечер здесь много гуляющих, плюс люди,

набирающие воду в бювете. В данном контексте мне хочется словосочетание «уходящая натура» заменить на «смену декораций». Ну, не стало «львов», ну, погиб абрикос, но жизнь-то продолжается! Депутаты иногда тоже полезные вещи делают. Настроили качелей-каруселей, и потекли в «шар», как называют его местные, потоки детворы с дедулями-бабулями да мамочек с колясками со всей округи.

Есть в этом сквере уголок, отведённый под выгул собак. Его однажды даже огородили. И, несмотря на то, что проволочку быстро растаскали на хозяйды, граждане продолжают выводить сюда своих питомцев. Кто понаглее – выгуливает, где попало. Сюда же из Ломаного переулочка ведут большие лошадей и маленьких пони катать детей и зарабатывать на «хлеб насущный». В общем, животные на этой площадке всегда были, есть и будут.

Дима Каржавин любил здесь гулять со своими таксами. Почему во множественном числе? Просто, когда приходило время умирать одной собаке, на её месте тут же появлялась другая, тоже такса.

И так получилось, что именно здесь, гуляя со своей любимицей, Дима нашёл свою смерть. По-дурацки, нелепо, в расцвете сил погиб хороший художник... Погиб, защищая права и детей, и граждан, и животных на свободу передвижения. Подонки, который его убил, наверное, тоже любил свою собаку. Но это не означает, что бойцовые псы могут гулять без намордника! Это и пытался Дмитрий объяснить оппоненту.

Да, Дима был правдолюбом и не терпел хамства. Он был настоящим «мачо», но не в этом случае... В последнее время его донимал сахарный диабет, мучило ощущение неудовлетворённости, нервы были на взводе... И вот он – злой рок, который прерывает... всё! Любовь, которая пусть и очередная, но, может, именно та, которой ему всю жизнь не хватало; расцвет творчества, который все художники оставляют на потом. Прерывает и муки физические... Пусть простят меня, но мне кажется, провидение даровало Дмитрию ту смерть, которую он бы выбрал сам.

Димыч, так называли его близкие друзья, любил животных. У него дома жили птицы, рыбки, в последнее время ещё и котик. Дмитрий жил в «бельгийском» дворе между Старопортофранковской и Новосельского. Квартира ему осталась по наследству от мамы, и он ею дорожил, поддерживал в ней порядок и вечно что-то ремонтировал. Мама очень хотела видеть в сыне художника, и её мечта сбылась – Каржавин был талантливым художником. Закончил «Грековку», потом

Сергей Брайко

– «худграф». Работал на дому, пренебрегал вступлением в «Союз». Безбедно жить Диме помогало занятие наружной рекламой. В паре со своим неизменным компаньоном Володей Рединым, они были как рыба в воде! Много магазинов, бутиков и офисов Одессы и Черноморска светятся по вечерам неоновыми огнями, красочно смонтированными этими ребятами.

Однако Дмитрий никогда не забывал своего призвания. «Прежде всего, – говорил он, – я – живописец!». И это было так! На пленэрах Каржавин забывал о рекламах, ремонтах, городской суете. Ставил перед собой задачи и успешно их выполнял. Помню, в Очакове пустился затяжной дождь. Кто-то отправился в номер отсыпаться, мол, в такую погоду «сам Бог велел». А Дмитрий увидел с балкона лежащий на мокрой траве апельсин. У художника – целый образ... Какой тогда классный натюрморт получился! У художника Каржавина «выстреливали» иногда просто шедевры. В том же Очакове была написана великолепная работа с катером, в ней Дима вместо белого цвета использовал грунт на холсте. Одной из лучших Дима считал картину «Кирха после пожара». Любил писать одесские дворики, фонтанские переулочки, пляжи Затоки. Вообще Дмитрий был лириком в душе. Мало кто знает, что этот брутальный, с первого взгляда, мужчина писал стихи. Наверное, читал их своим любимым, чем и покорял женские сердца!

В быту он был эстетом. Если мы собирались выпивать у него дома, то это было некое священнодействие: водка покупалась дорогая (чтоб утром не болела голова), помидорчики, огурчики – лучшие, морепродукты – не из любого магазина, а паста – настоящая, итальянская. Когда я познакомил его с таким продуктом, как «моцарелла» (в Одессе её ещё не было, мне присылали друзья из Винницы), то в его глазах вырос и стал на ту же ступень кулинарного искусства, что и сам Дима.

А ещё он любил дружить! Странное словосочетание я подобрал, «любить дружить». Но у Димы это было именно так! Подходило время, и он обзванивал всех друзей, интересовался здоровьем, личной жизнью (иной раз даже навязчиво). «Нам надо чаще встречаться, – говорил он, как будто чувствовал свой скорый уход, – мы мало видимся. Нас становится всё меньше...». Кто, на самом деле, знает, как надо дружить? У него это было так...

Ну вот, сквозь призму одного отдельно взятого сквера или даже отдельно взятого абрикоса у меня вдруг получилось рассказать о некоей части художественной жизни Одессы...

Мой рассказ будет неполным, если я не упомяну ещё несколько фамилий, тесно связанных с этим маленьким уголком нашего любимого города. Здесь, буквально в шаге от сквера, на улице Мечникова живёт и работает художник и культуролог Дима Хамула; на Манежной долгое время вместе жили Анастасия Уварова и Сергей Кириченко, на Нежинской, почти у развязки, называемой «звездой», находится мастерская эстета и импровизатора Алексея Малика; а ещё выше, по этой же улице, находится квартира Жданкиных, семьи художников и иконописцев; в переулке Богданова рождаются невероятные идеи у художника-концептуалиста Дмитрия Дульфана. В третьем номере по улице Коблевской жил замечательный художник, капитан дальнего плавания Корневский Александр Ефремович – одесская легенда...

Однако, хватит. О легендах надо писать отдельно...